

приноситься в жертву выгоды в виде всеобъемлющей государственной поддержки деятельности религии, ведь в перспективе последствия от этого будут сугубо негативные. Также положительный образ церкви создаёт поддержка её в первую очередь национальной культуры той страны, в которой действует данная религиозная организация. Это касается в том числе не только церковной, но и светской культуры страны, национального языка, литературы, живописи. С соблюдением правила невмешательства в дела друг друга, церковно-государственные отношения носят положительный характер, и ради общественного блага они должны развиваться и укрепляться, чему в большей мере должно способствовать высшее государственное и церковное руководство.

Список цитируемых источников

1. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2003-2016. URL: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=14551> (дата обращения: 10.11.2016);
2. Православная энциклопедия. Том IV, АФАНАСИЙ – БЕССМЕРТИЕ. / под ред. Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II. – Церковно-научный центр Русской Православной Церкви «Православная энциклопедия», Москва 2002;
3. Официальный портал Белорусской Православной Церкви [Электронный ресурс] / Белорусская Православная Церковь, 2006. URL: <http://exarchate.by/resource/Dir0009/Dir0015/> (дата обращения: 10.11.2016)

А. Н. Свирид

Учреждение образования «Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина», Брест

ОПЫТ МИССИОНЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ПОЛЕССКОЙ ЕПАРХИИ В 1921 – 1939 ГГ.

Введение. В 1921 г. по условиям Рижского мирного договора территория Западной Беларуси вошла в состав Второй Речи Посполитой. Православная церковь на этой территории оказалась в реалиях новых общественных и государственных отношений. Миссионерство традиционно понимается как деятельность религиозной организации по распространению своего вероучения и культа среди иноверцев. Но для Православной церкви межвоенной Польши главной задачей миссионерской работы стало сохранение численности верующих. Миссионерская деятельность в этих реалиях проводилась преимущественно среди изначально православного населения, а также среди недавно обращенных в другие вероисповедания из православия, что обусловило специфику ее организации и осуществления.

Основная часть. В августе 1922 года по решению Собора православных епископов Польши была создана Пинско-Новогрудская епархия с центром в городе Пинске. На состоявшемся 14-15 июня 1922 года соборе епископов главой Пинско-Новогрудской епархии был назначен епископ Александр [1, с. 11]. В состав этой епархии входили части Коссовского, Лунинецкого и Пинского поветов Полесского воеводства, а также Барановичский, Несвижский, Новогрудский, Столбцовский поветы Новогрудского воеводства. Территория епархии подвергалась неоднократным изменениям. В сентябре 1922 года Священный Синод Православной Церкви в Польше переименовал Пинско-Новогрудскую епархию в Полесскую и Пинскую. В дальнейшем стало употребляться название – Полесская епархия. 2 мая 1923 года Брестский, Кобринский, Дрогичинский, Пружанский поветы, которые относились к Гродненской епархии, вошли в состав Полесской епархии. Постановлением Священного Синода от 2 ноября 1927 года и рескриптом Министра исповеданий и народного просвещения от 19 апреля 1928 года вводилось новое разделение Православной церкви по епархиям. К Полесской епархии были присоединены приходы Сарненского и Камень-Каширского поветов. С 1 января 1939 года приходы Брестского повета Полесской епархии перешли к Варшавско-Холмской епархии. [2, с. 88].

Организованную форму миссионерская деятельность Православной церкви в Полесской епархии начинает принимать после Постановления Священного Синода от 8 июля 1923 года, обязавшего иметь в каждой епархии епархиального и уездных миссионеров. Заседания поветовых миссионерских комитетов должны были проходить по мере накопления дел, но не менее одного раза в месяц. Поветовые миссионеры подчинялись епископу и действовали под руководством епархиального миссионера. Они утверждались и увольнялись Синодальным миссионерским комитетом по представлению епископа. В их обязанности входило посещение местностей, в которых были зафиксированы попытки распространения других вероисповеданий; проповеди и собеседования с неправославным духовенством и их последователями, участие в организации миссионерской работы. В важных делах миссии они были обязаны немедленно выходить на связь с епископом для получения указаний. О своей деятельности поветовые миссионеры отчитывались поветовому миссионерскому комитету, который со своими примечаниями пересылал через епископа в Синодальный миссионерский комитет.

Поветовые миссионерские комитеты были организованы в короткие сроки. 21 августа 1923 г. они уже существовали. Наиболее серьезные вопросы решались на заседаниях епархиальных миссионерских комитетов. В феврале 1928 года в целях концентрирования миссионерской работы Полесским епархиальным миссионерским комитетом было решено уездные миссионерские комитеты реорганизовать в районные с центрами в Пинске (Пинский и Камень-Каширский поветы); Бресте (Брестский); Пружанах (Пружанский и

Коссовский); Кобрине (Кобринский и Дрогичинский); Столине (Столинский и Лунинецкий); Барановичах (Барановичский, Несвижский, Столбцовский, часть Молодечненского) [3, л. 1].

С самого начала распространения в межвоенной Польше неюнии, Католической церкви Византийско-славянского обряда Православная церковь высказала к ней отрицательное отношение. Её духовенству на основании указа Синода от 2-го апреля 1926 г. и резолюции митрополита Дионисия от 8 апреля 1926 г. предписывалось «ни в каком случае и ни при каких обстоятельствах не допускать неюниатов в храмы и не иметь с ними, кроме предания анафеме, никакого общения не только в церковной, но и в частной жизни» [4, л. 31]. Римско-католического бискупа православные священнослужители должны были приветствовать при встречах поклоном, но вступать с ним в контакт запрещалось. Дрогичинский староста 10 мая 1926 г. докладывал в Полесское воеводское управление, что накануне состоявшегося 16 мая 1926 г. в Янове праздника Андрея Боболи православное духовенство получило строгий запрет от своих властей принимать участие в этих торжествах под угрозой заключения в монастырь, а также указание соответствующе повлиять на прихожан в том же направлении [5, л. 1об, 4об].

Православная церковь пыталась остановить распространение Католической церкви Византийско-славянского обряда, воздействуя на польское правительство, но обращения к властям были безрезультатны.

В некоторых случаях руководство Православной церкви шло на заведомо противоправные действия, провоцируя власти к принятию тех или иных действий. В 1926 г. вышел указ Полесской духовной консистории, предписывающий «давать церковное благословение всем желающим вступить в брак без ограничения их призывного возраста и возложить на митрополита довести об этом до сведения министра МВИОП...». Это решение было принято в ответ на то, что католическое духовенство Византийско-славянского обряда безнаказанно благословляло браки даже в тех случаях, когда они были запрещены светским законодательством [4, л. 39, 39об].

Районный миссионер должен был вести дневник миссионерских поездок, книгу записи протоколов заседаний, а также приходно-расходную книгу. На районные миссионерские комитеты была возложена также обязанность докладывать обо всех замеченных недостатках пасторской деятельности. Полесская духовная консистория и епархиальный миссионерский комитет 10 октября 1929 г. постановили просить епархиальную власть поручить районным миссионерским комитетам при посредстве благочинных представить список лиц духовенства, соблазнительное и безнравственное поведение которых способствует отпадению верующих от православия [3, л. 94].

Районные миссионерские комитеты содержались за счёт фиксированной суммы, присылаемой ежемесячно из приходов [3, л. 2]. Содержание районного миссионера в Полесской епархии с февраля 1928 г., согласно указаниям епископа, не должно было превышать 50 злотых [3, л. 9]. Но уже в июле 1928 г. оно было увеличено с 50 до 100 злотых в месяц [3, л. 37].

Вероятно, постепенно возникла необходимость строгого разграничения полномочий между епископами и епархиальными миссионерами. В конце 1931 г. вышел указ Синода Православной церкви, который отмечал, что во главе миссионерской работы стоят епископы. Им была вменена в обязанность организация миссионерских курсов и съездов для духовенства и мирян в центрах епархий и поветов [6, л. 26–27]. Синодальный миссионерский комитет требовал отчёты о состоянии и нуждах внутренней миссии, сводки о действиях униатов, планы намеченной миссионерской работы именно от епископов [6, л. 9, 13]. Епархиальный миссионер принимал к исполнению утверждённые епископом предписания консистории. В спорных вопросах предписывалось руководствоваться положениями, содержащимися в утверждённых ещё до Первой мировой войны Синодом Русской Православной Церкви «Правилах об устройстве миссий и о способе действий миссионеров», из которых следовало, что епархиальные миссионеры состоят в непосредственном распоряжении епископов и действуют согласно их указаниям [6, л. 32–32об]. Кардинально этот вопрос был решён в Полесской епархии. 29 сентября 1932 г. Полесский епископ Александр взял на себя обязанности епархиального миссионера, против чего Синод Православной церкви не возражал [6, л. 38].

Для координации миссионерской работы и обмена опытом проводились пасторские конференции и съезды. В ноябре 1927 г. в Вильно был созван православный миссионерский съезд, в повестку дня которого были включены и вопросы борьбы с распространением унии и католичества [7, с. 143]. В последующие годы такие конференции проводились достаточно часто. Так, 5–7 октября 1931 г. в Бресте состоялась пасторская конференция Брестского миссионерского района [8, л. 1], в работе которой приняло участие 45 человек [8, л. 2]. 19–20 октября 1931 г. пасторская конференция прошла в Пинске. Из района на конференцию прибыло 19 священников. Были зачитаны рефераты епархиального миссионера «Новый тип современного священника», Л. Нещеретова «О главенстве и непогрешимости папы», С. Малашковица «Был ли апостол Пётр епископом римским 25 лет», М. Кочановского «Историческое развитие унии и борьба с ней», а также приведён пример нескольких образцовых проповедей, направленных против унии [8, л. 17–20].

30 октября – 2 ноября 1932 г. в Пинске состоялась очередная пасторская конференция Православной церкви. Участие в её работе приняли члены и секретари консистории и епархиального миссионерского комитета, районные миссионеры, благочинные, законоучители средних школ, представители общества имени Петра Могилы. Одновременно с работой конференции были запланированы «народные противоуниатские курсы» [9, л. 64, 67]. В 1933 г. Синод Православной церкви постановил создать

Всеполюский миссионерский съезд [6, л. 48], который состоялся в Почаево-Успенской лавре 3–9 сентября 1933 г. [6, л. 63].

Вероятно, именно на конференциях был выработан такой метод ограничения распространения Католической церкви Византийско-славянского обряда, как проведение миссионерских дней. Состоявшаяся 5–7 октября 1931 г. в г. Бресте пасторская конференция Брестского миссионерского района постановила, что в случаях экстренного и неожиданного приезда пропагандистов других вероисповеданий и устройства ими собраний настоятель церкви должен самостоятельно был организовать и провести миссионерский день. Это предполагало, что он пригласит священников из соседних приходов и вообще священников, обладающих даром проповедования, если успеет с ними связаться. Обязательно было проведение торжественного богослужения. В некоторых случаях богослужения проводили епископы, например весной 1931 г. в связи с приездом в Белосток Николая Чарнецкого, православный епископ также приехал в этот город и провёл торжественное богослужение [10, л. 92].

Оперативная организация Православной церковью миссионерских дней часто достигала поставленной цели. Прихожане села Любищицы Коссовского повета подготовили прошение на имя епископа Католической церкви Византийско-славянского обряда Николая Чарнецкого, в котором просили дать им священника. Православная церковь провела в Любищицах 23 и 24 октября 1932 г. пасторскую конференцию и народные курсы, на которые, по поручению архиепископа, выезжал епархиальный миссионер. В течение этих двух дней Любищицкая церковь была переполнена. В результате верующие единогласно постановили послать архиепископу благодарность за командировку епархиального миссионера и выразить «готовность бороться с униатством всеми возможными средствами» [6, л. 24об]. Написанное на имя епископа Католической церкви Византийско-славянского обряда Николая Чарнецкого прошение было вручено православному епархиальному миссионеру [6, л. 24об].

Миссионерские дни устраивались и независимо от приезда проповедников других вероисповеданий. Православное духовенство старалось проводить их в храмовые праздники, когда в приходах было наибольшее стечение верующих из окрестных сёл и деревень. Было характерным прибытие к миссионерскому дню районного или даже епархиального миссионера, сопровождающих его лиц из числа духовенства и активных мирян, организация крестных ходов, вызов лучших хоров, произнесение поучений лучшими проповедниками. Проповеди часто произносились не только в храме, но и на открытом воздухе, при большом скоплении народа. Православному духовенству рекомендовалось подчёркивать, какими способами и средствами боролись с унией Иов Почаевский, Афанасий Брестский и какими средствами распространял её Иосафат Кунцевич. Верующим бесплатно раздавались иконки, крестики и миссионерские листки.

Часто Католическая церковь Византийско-славянского обряда организовывала проповедь в деревнях, в которых не было или имелась закрытая церковь, где крайне редко проводились православные богослужения. В такой ситуации православному духовенству рекомендовалось чаще приезжать для совершения богослужений в отдалённых приписных церквях, устраивать в эти места крестные ходы. Даже отдалённые часовни предписывалось не оставлять без внимания. Наиболее ранние указания православному духовенству совершать богослужения в филиальных и приписных церквях, которые удалось обнаружить в процессе исследования, относятся к апрелю 1926 г.

Особое внимание уделялось качеству богослужений. Предписывалось по возможности избегать сокращений богослужений. С 1926 г. было обязательно общенародное пение, требовалось делать всё возможное, чтобы богослужение было как можно более торжественное, а чтение – выразительное. С июля 1930 г. от православных священников требовалось, чтобы проповедь быть устной. Проповеди по тетради были признаны нежелательным и допускаемыми лишь в исключительных случаях. Указ Полесской духовной консистории от 22 апреля 1926 г. предписывал введение в богослужение, кроме обычных проповедей, постоянных катехизических поучений и объяснений чина богослужений и молитв, стройного и последовательного изложения основ православной веры.

Практиковалось также проведение молитвенных собраний. Сознвая невозможность организовать богослужения везде, где желали верующие, Православная церковь старалась частично компенсировать это проведением крестных ходов. В 1927 г. с иконой Жировицкой Божьей Матери ходили по деревням Полесского воеводства с целью укрепления веры.

Одним из средств, которые использовала Православная церковь в своей деятельности, была организация публичных диспутов. В миссионерских комитетах особенно отмечали пользу умелых диспутов и вред неумелых. Поэтому церковные власти строго запрещали проведение диспутов малоопытным священникам. В Полесской православной епархии особую методологию диспута разработал протоиерей Павел Калинович. Он отмечал, что многие миссионеры затрачивали большие усилия на ведение диспутов, которые заканчивались неудачно, потому что у них отсутствовал план диспута и метод работы. Поэтому, по мнению Павла Калиновича, миссионер должен хорошо продумать свою беседу, во время которой он может употреблять четыре метода: догматический (не предполагающий полемики и действенный в беседах с православными), апологетический (употребляемый в случае оспаривания веры), полемический (имеющий целью не только изложить основы веры, но и показать несостоятельность другого вероучения) и

исторический. Павел Калинович считал, что диспут должен начинаться с использования догматического метода, и лишь потом можно использовать апологетику и полемику, а если нужно, и исторические факты.

В качестве средства по ограничению и распространению Католической церкви Византийско-славянского обряда диспут в Православной церкви применялся достаточно часто. Так, миссионер из Бреста Владимир Поляков в 1926 г. посетил 41 приход, где провёл 12 публичных диспутов. Столинский районный миссионер священник Иоанн Струковский за 10 месяцев 1930 г. посетил 24 населённых пункта, где провёл 2 диспута [1, с. 78, 79].

С самого начала распространения в Польше Католической церкви Византийско-славянского обряда Православная церковь повела с верующими разъяснительную работу. В обязанности поветового миссионера входило устройство внебогослужебных религиозно-нравственных чтений и бесед. Ещё 6 марта 1926 г. православному духовенству было предписано «в деле противодействия унии разъяснять разницу между истинным православным священником и униатским, указывать прихожанам на те последствия, какими сопровождается для православного обращение к униатскому священнику, хотя бы и по необходимости» [4, л. 17]. 13 апреля 1926 г. вышел указ Полесской православной духовной консистории «...благочинным при посредничестве священников разъяснять верующим, что представители духовенства Католической церкви Византийско-славянского обряда являются отступниками от Православной церкви и предателями своей веры, что они лишены сана и отлучены от церкви, что общение с ними погибельно и греховно, а все таинства, совершаемые ими, незаконны и безблагодатны» [4, л. 31].

Духовенству было рекомендовано устраивать, «где это оказывается возможным, публичные лекции религиозно-нравственного содержания, а равно и духовные вечера...» [3, л. 94об]. В 1929 г. Полесская духовная консистория и епархиальный миссионерский комитет признали необходимым вести разъяснительную работу как в храме во время и после богослужений, так и за его пределами [4, л. 46].

Особое внимание уделяла Православная церковь работе с молодёжью. Состоявшийся 13–18 июля 1930 г. съезд районных миссионеров Полесской епархии также принял постановление уделять внимание в школьном преподавании миссионерской деятельности. Посещение учащимися православных храмов было признано обязательным, а римско-католических – недопустимым. Взаимоотношения между школой и церковью выделялись в компетенцию законоучителя. Отмечалось, что они должны были базироваться на его авторитете и такте.

Православная церковь постаралась организовать широкую пропагандистскую кампанию в печати. Особенно часто статьи антиуниатского содержания публиковались в «Слове», а также в официальном органе митрополии «Воскресное чтение». Русское народное объединение через журналы «Русский голос» и «Наше время» размещало статьи подобной направленности. Особенно часто на страницах «Воскресного чтения» печатались статьи секретаря Синода Православной церкви Ю.Г. Рошицкого.

Особенно решительные шаги по развитию издательства были предприняты в конце 1931 г., когда вышел указ Синода просить митрополита Дионисия принять меры для развития миссионерского издательства [6, л. 26, 27]. Был организован оперативный сбор информации, которую можно было бы опубликовать. 24 декабря 1931 г. Синодальный миссионерский комитет просил у Полесского епархиального миссионерского комитета сообщать незамедлительно о фактах насильственного насаждения унии, так как «имеется возможность предавать огласке в печати наиболее вопиющие и характерные факты и тем создавать в народных массах вполне ясное и отвечающее действительности представление о существовании «Восточного обряда» и способах, приёмах его пропаганды» [6, л. 10].

К содержанию публикуемого материала выдвигались высокие требования. 24 мая 1930 г. православному духовенству Полесской епархии было предписано выступать в печати только по предварительному представлению предполагаемой статьи или заметки на одобрение епископа. Выступления в печати привлекали внимание общественности не только внутри страны, но и далеко за её пределами. Широкий общественный резонанс вызывали статьи о конфликтных ситуациях, особенно связанные с борьбой за храмы, как, например, в селе Жабче [11, с. 420]. Православная церковь занималась также распространением среди верующих литературы антиуниатского содержания. В обязанности поветового миссионера входило содействие распространению в народе брошюр и листовок миссионерского содержания. Полесский епархиальный миссионерский комитет на заседании 22 апреля 1926 г. признал необходимым «всем приходскому духовенству усилить всеми возможными способами широкое распространение в приходах знаний православного христианского вероучения и правоучения» [4, л. 46]. Необходимыми средствами для достижения этой цели признавалось «широкое распространение в народе Св. Писания и привлечение к чтению его, как равно и других полезных книг религиозно-нравственного содержания» [4, л. 46].

Расходы на издание миссионерских листовок часто возлагались на местные миссионерские комитеты. На средства районных миссионерских комитетов было приказано в 1931 г. снабдить каждый приход полным годичным комплектом «Сергиевских листовок». В 1934 г. Полесский епархиальный миссионерский комитет издал более 100 000 миссионерских листовок [6, л. 92].

С 1931 г. все приходы были обязаны выписывать газету «Слово», цена за которую составляла 6 злотых в год. В Полесской епархии каждый приход выписывал её в трёх экземплярах. Но в 1933 г. в связи с большой задолженностью по приходам «Слово» стало выписываться в одном экземпляре и плата за него уменьшилась до 1,25 злотого в месяц с прихода. 1 февраля 1933 г. Синодальный миссионерский комитет поднял вопрос об

организации приходских библиотек-читален [6, л. 41, 42]. При каждой церкви предусматривалась библиотека-читальня с набором газет, брошюр, журналов и книг религиозного, нравственного и миссионерского содержания. С мест пришёл ответ, что при организации читален возникнут трения с властями из-за вопроса, на каком языке должна быть литература, а также что книги в библиотеке должны быть и по медицине, сельскому хозяйству, ветеринарии и даже беллетристика [6, л. 41, 42].

Полесский епископ в отчёте митрополиту о состоянии православной миссии в епархии за 1933 г. писал о потребности в библиотеках, о том, что районные миссионерские комитеты имеют свои библиотеки, но отсутствие средств не даёт возможности снабжать верующих в достаточном количестве миссионерской литературой [6, л. 74, 74об]. Синодальный миссионерский комитет передал в Полесскую епархию библиотеку, в которой были в том числе и книги антиуниатского содержания: 75 экземпляров книги Константина Зноско «Исторический очерк унии», 125 экземпляров «К вопросу о соединении церквей», 2 500 миссионерских листков [6, л. 82об, 83].

Меры по ограничению распространения и влияния Католической церкви Византийско-славянского обряда требовали от Православной церкви денежных средств. Значительная часть их собиралась как пожертвования. Организуя сбор пожертвований на защиту от ревндикации и на миссионерское дело, православное духовенство полагало, что эта мера укрепляет верующих в их убеждениях. С другой стороны, верующим старались показать, на что идут собранные деньги. Полесский епархиальный миссионерский комитет на заседании 5 апреля 1929 г. признал желательным, чтобы были изысканы средства для покупки такого количества литературы миссионерского характера, «чтобы можно было брошюру или листок вручить каждому, приносящему яства для освящения» [12, л. 26].

Некоторую сумму собирали члены кружков ревнителей православия. Практиковались и единовременные сборы. Состоявшаяся 5–7 октября 1931 г. пасторская конференция Брестского миссионерского района постановила, «ввиду крайней необходимости издания брошюр миссионерского характера», собрать по 5 злотых с каждого прихода [8, л. 1, 7, 7об]. 16 декабря 1936 г. Полесский миссионерский комитет постановил передать в распоряжение районных миссионерских комитетов кружечные сборы, производимые в церквях епархии 4 раза в году [13, л. 6].

Новые обязанности в связи с необходимостью противодействия проповеди восточного католичества возлагались на диаконов и псаломщиков. Для их подготовки организовывались специальные миссионерские курсы и конференции, которыми заведовал епархиальный миссионер и его помощник. Для заведования хозяйственной частью конференций и курсов районным миссионерским комитетом были организованы хозяйственные комитеты. Миссионерские курсы для псаломщиков, проходившие в Пинске с 20 по 27 августа 1926 г., включали лекции по миссионерской работе протоиереев С. Жуковского, В. Шимановского, иеромонаха Георгия (Коренистова). В 1936 г. в Полесской епархии было проведено 26 пасторских конференций и курсов для псаломщиков. Псаломщикам предписывалось заниматься религиозным образованием детей и молодёжи [4, л. 58]. Одними из условий для рукоположения в сан диакона была предварительная миссионерская деятельность. За ревностную миссионерскую деятельность псаломщики награждались. Но параллельно с процессами укрепления дисциплины наметилась также тенденция к некоторой демократизации отношений внутри православной церкви межвоенной Польши. На заседании религиозно-просветительской комиссии в декабре 1935 г. было внесено и принято единогласно предложение о том, что «в целях поднятия авторитета приходского духовенства, а также в виде одной из мер к соборному устройению церкви» Советы благочиний следует сделать избираемыми священниками и псаломщиками. Компетенция Советов благочиний также была расширена.

Поскольку некоторые меры, например организация миссионерских дней, требовали слаженных действий православного духовенства и наличия тесных контактов между священниками соседних приходов, состоявшийся 13–18 июля 1930 г. съезд районных миссионеров Полесской епархии постановил просить благочинных внушать подведомственному им духовенству, что поддержание добрых братских взаимоотношений как между членами отдельных приходов, так и между всем окружным духовенством является лучшей проповедью и главным условием успеха.

Заключение. У польских исследователей 1926–1928 годы отмечаются как период значительных миссионерских успехов православия в борьбе с распространением восточного католичества. В конце 1931 г. вышел указ Синода Православной церкви, признающий, что миссионерская работа на местах велась должным образом и имела определённый эффект [6, л. 26, 27].

Выработанный Православной церковью комплекс мер по ограничению влияния других религиозных организаций на территории Западной Беларуси и реализация его на практике стали одной из главных причин того, что их распространение не достигло желаемых её организаторами результатов. Опыт миссионерской работы Православной церкви в Западной Беларуси заслуживает осмысления популяризации.

Список цитируемых источников

1. Костюк, В. История Полесской епархии (1922 – 1944 гг.) / В. Костюк – Брест: Брест. обл. тип., 1999. – 114 с.
2. Самосюк, Н.В. Миссионерская деятельность Православной церкви в Полесской епархии (1921 – 1939 гг.) / Н.В. Самосюк // Вестник Полоцкого государственного университета. – 2013. – Серия А. – № 9. – С. 88-96.

3. Государственный архив Брестской области (далее ГАБО). – Ф. 2059. – Оп. 1. – Д. 18. – Указы Полесского епархиального комитета и Полесской духовной консистории за 1928-29 гг. – 118 л.
4. ГАБО. – Ф. 2059. – Оп. 1. – Д. 2. – Указы Полесской духовной консистории за 1926 г. – 86 л.
5. ГАБО. – Фонд 1. – Оп. 2. – Д. 2021. – Выписка из отчёта Дрогичинского поветового староства о праздновании в Янове католическим населением религиозного праздника. – 18 мая – 28 июня 1926 г. – 4 л.
6. ГАБО. – Фонд 2059. – Оп. 1. – Д. 83. – Переписка с Синаодальным миссионерским комитетом о борьбе с распространением униатства за 1933–1935 гг. – 26 л.
7. Николаев, К.Н. Восточный обряд. Дорога Рима в Россию (Рим – Польша – Россия) / К.Н. Николаев. – Париж : YMCA-PRESS. – 1950. – 334 [1] с.
8. ГАБО. – Фонд 2059. – Оп. 1. – Д. 51. – Протоколы конференций церковнослужителей Брестского, Камень-Каширского, Пинского районов и заседания Столинского районного миссионерского комитета за 1931 г. – 118 л.
9. ГАБО. – Фонд 2059. – Оп. 1. – Д. 8. – Указы Полесской духовной консистории за 1932 г. – 95 л.
10. Государственный архив в г. Белостоке (Archiwum Państwowy w Białymstoku). – Urząd Wojewódzki Białostocki. – Syg. 59.
11. Papierzyńska-Turek, M. Między tradycją a rzeczywistością. Państwo wobec prawosławia 1918–1939 / M. Papierzyńska-Turek. – Warszawa : Państwowe wydawnictwo naukowe, 1989. – 484 s.
12. ГАБО. – Фонд 2059. – Оп. 1. – Д. 5. – Указы Полесской духовной консистории за 1929 г. – 89 л.
13. ГАБО. – Фонд 2059. – Оп. 1. – Д. 79. – Переписка с районными миссионерскими комитетами о борьбе с униатством за 1927 г. – 76 л.

Силок Т.С.

Учреждение образования «Брестский государственный университет
им. А.С. Пушкина», Брест

ОТНОШЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ К РЕЛИГИИ В МАЛОРИТСКОМ РАЙОНЕ В 1939 – 1991 ГГ.

Введение. Атеизм, как отрицающее религию мировоззрение, не будучи формально провозглашенным в СССР элементом государственной идеологии, активно поддерживался партийными и государственными органами до 1988 г., когда произошла политическая и идеологическая либерализация советского режима.

Помимо пропаганды атеизма («научно-материалистического мировоззрения»), государственными органами в 1930 – 40-е гг. осуществлялись массовые аресты и преследование духовенства и религиозных проповедников. Политика ликвидации организованной религиозной жизни проводилась в административном порядке органами государственной власти, в частности НКВД; впоследствии религиозная политика стала более дифференцированной. Вместе с тем, полной ликвидации организованной религиозной жизни и официального запрета религии в СССР никогда не было, а в отдельные периоды своей истории руководство СССР даже оказывало некоторым из конфессий поддержку, преследуя свои политические интересы.

После включения в состав СССР белорусских западных земель (с сентября 1939 г.) все население было подвергнуто проверке на «лояльность» к советской власти. Не меняя в целом политики воиствующего атеизма, советское правительство на белорусских землях вынуждено было считаться с религиозностью местного населения и создавало видимость религиозной терпимости. Русская Православная Церковь (РПЦ) проводила последовательную политику: она поддержала советскую власть и стремилась к сохранению, как внутреннего порядка в социуме, так мира и спокойствия в душах своих прихожан.

Основная часть. Особую роль сыграла РПЦ в период Великой Отечественной войны. Например, о начале войны первым объявил митрополит Сергей в воскресной проповеди в то время, когда официальные власти молчали и не знали, как реагировать на нападение врага. Православная церковь благословила православных на защиту священных границ Родины. С июня 1941 г. в храмах стали служить молебны «О даровании победы». Власти не могли отказаться от поддержки Церкви. Великая Отечественная война стала первым обращением к религиозным основам жизни после нескольких десятков безбожных лет. Осенью 1941 г. прекратились аресты священнослужителей, им не препятствовали распространять патриотические воззвания. Одним из направлений патриотической деятельности духовенства и верующих стал сбор средств на нужды фронта. Верующие жертвовали денежные и материальные средства без указания своей религиозной принадлежности. Особым видом пожертвований явилась передача церковных зданий и колоколов на оборонно-хозяйственные цели.

С окончанием войны власть прекратила начатую политику лояльного отношения к религии. С 1948 г. перестали давать разрешения на открытие храмов, началось массовое изъятие церковных зданий для их переоборудования под клубы, зернохранилища, возобновились репрессии священнослужителей и т. п. За интерес к религиозной теме писатели, художники, преподаватели подвергались критике, увольнениям с работы.

Характерной чертой 1950 – 1960-х гг. явился всеобщий отказ власти от религии, что настраивало народ против государства. Были ужесточены условия существования религиозных общин, отменены налоговые льготы для религиозных организаций, запрещено паломничество к святым местам, началось закрытие действующих храмов и ограничение колокольного звона, запрещены совместные богослужения священников соседних церквей в дни праздников, благотворительность, участие детей и подростков в хорах певчих и церковных службах, строительство жилых домов для священников на средства общины, ограничено проведение крестных ходов. Впервые были определены не подлежащие регистрации «секты, вероучение и характер деятельности которых носит антигосударственный и изуверский характер: иеговисты, пятидесятники, адвентисты-реформисты». 30 августа 1960 г. местные власти обратились с просьбой в Брестский